

Тема войны в современной тверской поэзии (некоторые аспекты)

75 лет – большой срок, прошло время, когда в литературе воплощались чисто военные сюжеты. Теперь наступил этап, когда в большей степени происходит переосмысление исторической, историософской, метафизической сути той войны. В том числе начинается – как ни парадоксально – и нигилистическое толкование темы, переоценка, даже травестирование темы, или, попросту говоря, ложь о Великой Отечественной войне. Героями теперь вполне могут быть объявлены как бойцы Красной армии, так и немцы, фашиствующей может быть признана как немецкая, так и советская сторона. На фоне того, что памятники нашим солдатам в Европе разрушают вопреки международному праву, у нас в России и на Тверской земле в частности мемориалы в честь солдат немецкой армии стоят прочно. Русское всепрощение? Может быть, но только оно обеспечено силой русского духа и русского оружия. Мир завоевали не всепрощенцы, а русские воины.

Поэтому растет градус полемичности произведений, которые создаются в рамках данной темы. Эта полемика может быть выражена и на уровне сюжета, прямо высказанной авторской позиции, а может быть выражена и более скрыто – на уровне языка, стиля, эстетических установок авторов.

Для данного сообщения выбраны примеры из относительно новых книг: *Владимир Львов*. Веди себя. Сборник новых стихотворений и поэм. – Тверь: Тверская областная типография, 2013. – 192 с.; *Святослав Михня*. Вечереющий свет. – М.: Вест-консалтинг, 2016. – 76 с.; *Борис Рапопорт*. Божья дудка. Стихи 2012-2014 годов. – Вышний Волочек: ОАО «ТОТ» Вышневолоцкая типография, 2014. – 120 с.

Как можно видеть, представлены поэты – представители разных поколений и разных творческих ориентаций.

Б. Рапопорт в своей книге отстаивает традиционные ценности и патриотические идеи. В его стихах ощущается стремление опровергнуть ложь о войне, лживую трактовку тех или иных фактов, попытки уравнивать моральную суть победителей и побежденных, защитников и врагов Руси. Новизна подхода Б. Рапопорта - параллель между «сороковыми-роковыми» и нашим временем. Поэт прямо указывает в подзаголовке своего сборника, что включил в него стихотворения 2012-2014 годов. Такая привязка к эпохе не случайна: в книге действительно есть элементы политической хроники, автор чутко улавливает настроения и идеи, которые витают в воздухе и сопровождают страшные события нашего времени.

Прежде всего речь идет о разрыве внутриславянских связей, о тех последствиях, которые повлек за собой Беловежский мезальянс уже в наши дни. «Славянские стансы», «Семейная сага. Письмо на родину» – эти и дру-

гие стихотворения содержат анализ событий на Украине, в Донецке, Луганске, Одессе. Поэт воспринимает эти события как трагедию и прекрасно понимает предысторию этой трагедии: «Украину схоронили / и Россию поховали / в повиликe и пыли»; «Украина, что нога у инвалида, / болит, хотя отрезана давно»; «Компьютерные дети, вас все пуще / икота мучит Беловежской пуши». Распад славянского единства заставляет поэта вспомнить времена «Слова о полку Игореве», когда княжеские междоусобицы губили Русь, отсюда цитата в его стихотворении: «О Русская земля, ты за холмом!»

Одно из актуальных для сегодняшнего дня произведений – «Баварское пиво», образец ролевой лирики, стихотворение, написанное в форме диалога современного мещанина с патриотом – потомком героя той войны. Автор этих стихов прекрасно понимает, что такое обыкновенный фашизм, вновь напомнивший о себе не только тогда, «Когда на Майдане запахло Майданком», но и в интеллигентских кухонных разговорах бессмертной «пятой колонны», не умолкнувших даже в юбилей Победы. Поэт очень выразительно передает суть и различия двух точек зрения на войну:

«Ах, какими мы были глупыми: /
забросали фашистов трупами, /
заморозили вражью рать. /
Упустили цивильное счастье-то, /
а могли из бутылок со свастикой /
мировое пиво попить!»

моей будущей мамке Анке,
с Малороссии полонянке,
не досталось баварского пива,
шкварок с бауэрского стола,
но какой же она счастливой
уезжала домой на танке
и хлебовом у германки
по горло сыта была...

Но в тверской поэзии встречаются и иные примеры, когда авторская позиция поддерживает современную тенденцию усматривать в истории Великой Отечественной не толстовский подвиг маленького человека, не гений главнокомандующего, не талант русских военачальников, даже не трагедию народа, а прежде всего чернуху, мерзость, людоедство, расчеловечивание человеческой сути, превращение человека в животное, тоталитаризм вненациональной власти и тотальность фашистской морали и идеологии, которой якобы невозможно противостоять.

И действительно, всему этому ничего положительного не может противопоставить в своем стихотворении, открывающем книгу «Вечереющий свет», Святослав Михня.

Январь. Блокада Ленинграда.
Рояль меняют на собак.
Из леденеющего ада
Куда ты вырвешься и как?
Все люто. Люди – людоеды.

Голодный человек свиреп.
И режут брата и соседа
За смешанный со жмыхом хлеб...

Это «программное» стихотворение, которое представляет собой лекцию штампов современной публицистики: «Блокада Ленинграда», «людилюдоеды» (прямо-таки цитата из выступления Д. Гранина!), «рояль меняют на собак», Хиросима, Холокост, «мрак над сталинской Москвой», «огонечек Люцифера». В один ряд поставлены и Хиросима с Холокостом, и сталинская Москва, то есть, метонимически, Гитлер и Сталин – модная ныне в определенных интеллигентских кругах идея. Вся эта «злоба дня», лики «ветреной, беспамятной, отмороженной страны» якобы не дают покоя лирическому герою, мучают его, даже если он «накроется одеялом с головой», историческая память о «Хиросиме с Холокостом» не порастает «быльем, забвеньем, трын-травой». (Заметим, «злоба» «злобе» рознь: Хиросима и Холокост С. Михню почему-то волнуют, а нынешние Киев и Одесса, корректировщица огня с позитивным именем Надежда Савченко и наш летчик, расстрелянный в сирийском небе, Болотная площадь или самолет над Синаем, не говоря уже о «Курске», о трагедии 1993 года, о многом другом – вовсе нет, новый «пепел Клааса» не стучит в его сердце...). Он уверен, что в блокаде Ленинграда главное – это борьба за кусок хлеба, голод, доводящий людей до людоедства.

На самом деле в самом сборнике С. Михни ни один из перечисленных трендов-брендов не находит продолжения и развития. Автор и не знает-то о них ничего, кроме приведенных ключевых слов-знаков. Семиотика этих знаков вполне понятна, коммуникативный замысел автора до наивности прост: написал про «мрак над сталинской Москвой» – и можешь быть уверен, что тебя заметят и признают своим те, в чью обойму ты хочешь попасть, кто тебе нужен. Даже премию дадут – и непременно имени Н. Гумилева, отважного воина, патриота и Георгиевского кавалера, автора вдохновенного и ошеломляющего «Наступления».

С. Михня в книге «Вечереющий свет» пытается создать себе имидж поэта-философа, размышляющего о жизни и смерти: «На космическом ветру / Стыть тебе и мне. / Ты умрешь, и я умру / ни по чьей вине». Но философия С. Михни вторична, если не сказать банальна. Все тщетно, все суета сует и всяческая суета: и «набеги татарвы», и «костры Ивана Грозного», и «Сусанин с поляками». Звезды-то все равно светят даже в этой «беспамятной, отмороженной стране» – им «хоть бы хны». А изучать сложнейшие и неоднозначные проблемы, чтобы сделать свои произведения и выводы весомыми, обоснованными, – задача непосильная для автора данного сборника. Уровень разговора автора с читателем в его книге в целом и о войне в частности – поверхностный, конъюнктурный.

Герой В. Львова в книге «Веди себя» вроде бы патриот. Военной теме здесь посвящена поэма, которая имеет патриотическое заглавие «За Родину» и представляет собой тверские вариации на тему знаменитого военного эпоса А. Твардовского о Василии Теркине. Одна из глав поэмы даже назы-

вается «Переправа» и предваряется эпитафией из «Переправы» Твардовского. Читатель справедливо надеется, что автор предложит что-то новое, свое, хотя бы и «в духе» Твардовского. Но сделать это очень сложно, и, к сожалению, у В. Львова получается некий бурлеск, травестированное продолжение, выворачивание наизнанку классического произведения. Весь юмор у поэта обращается вокруг того, что находится ниже пояса.

Говорил солдат безусый:

- Погляди-ка, Еремей!

У березки этой русой,

Как у кралечки моей,

Кожа гладкая такая,

Ну, ей-богу, коленкор!

Кудри вьются, с плеч стекая!..

Не подыметя топор.

- Так подыметя другое,

Для мужчины дорогое.

Да о чем тут говорить!

Что-нибудь должно подняться,

А поднялось – не теряться:

Все равно ее валить!

И скорей валить, сынок,

Хоть одна, хоть пара ног.

Бабы... это... не бояться,

А березы – топора,

Если им пришла пора...

Вспомним роман М. Шолохова «Они сражались за Родину». Там в тяжелой, горестной ситуации поражения и отступления солдаты тоже шутят на «семейные» темы, но какое тонкое чувство меры у автора, который умеет и передать народную речь, и выразить народную душу, и не скатиться в болото пошлости! А Владимир Львов в поэме «За Родину» не только редуцировал шолоховское заглавие – он обеднил и сюжет, и нравственное содержание произведения: солдаты рубят деревья для наведения переправы через Волгу и при этом сравнивают наощупь сосенки и осинки с женками и соседками, делятся друг с другом богатым мужским опытом, используя рискованные рифмы-намекы:

Бабы... это... не бояться,

А березы – топора...

В поэме В. Львова «За Родину» лес рубят – только юмористические щепки летят, и попадают эти неприятные щепки в душу читателю, саднят, как занозы:

– А моя, орлы, осинка,

Ну, точь-в-точь соседка Зинка –

Ух, податливая!

– Не чета соседке Фросе,

Та податливей вдвойне?

В «чистоте нравственного чувства» русского солдата были убеждены и Лев Толстой, и Шолохов, и Твардовский. В поэме В. Львова вроде бы и есть намек на это чувство (сюжет о роженице на поле боя в главе «Знамение»), но он заглушается ёрническим спором двух солдат о том, у кого «портянки чище». Нарочитый натурализм этого диалога («под народ») усугубляется искусственным гиперболизмом обобщения: «Ни один солдат России / Этот случай не забыл». Разве все солдаты воевали на Калининском фронте? Каждый ли побывал в бою на том пятачке под Кашином? Объявил ли об этом случае на весь Советский Союз по радио сам Левитан? Читаешь эти страницы, и остается впечатление утрированной народности, лубочного патриотизма, суррогата поэзии. В лучшем случае – школьной стенгазеты.

Не случайно известный тверской писатель-романист В. Крюков когда-то призывал Львова «возвыситься» до уровня некрасовского эпоса. В. Львов попытался создать свои версии этого жанра, но далеко не все, к сожалению, ему удалось.

Целью данного краткого сообщения было обратить внимание на то, что трактовка темы войны в тверской поэзии так же полемична, как и в нашей современной литературе, публицистике, историографии в целом. Попытка сказать новое слово на данную тему требует от писателя и поэта как таланта и мастерства, так и глубокого осмысления военно-исторической проблематики. Поверхностный, конъюнктурный, легкомысленно-шутовской подход здесь неприемлем и может обернуться для автора саморазоблачением.